

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идеализм представляет собой такое явление духовной жизни человечества, которое без преувеличения имеет значение мирового. Он вошел «в плоть и кровь» европейской культуры и проявился в разных ее областях. Именно идеализм разрабатывал формы диалектического мышления, он оказал мощное воздействие на становление христианского богословия, без него не обошлось даже появление диалектического материализма, не говоря уже о том, что и сам идеализм безотносительно к чему-либо занимался изучением начал всего сущего и кое в чем преуспел.

Так получилось, что в отечественной философской литературе, по понятным причинам, идеализму не уделялось достаточного внимания. Правильнее было бы сказать, что о нем говорили всегда, но больше как о фоне, на котором наиболее выразительно смотрелись достоинства материалистической позиции. Справедливости ради стоит заметить, что, конечно, идеализм изучался и силами отечественной традиции, но в ней преобладал социологический подход, который в определенной степени оправдан, когда речь заходит об условиях возникновения идеализма; но такой подход не касается причин и потому не может быть полным, поскольку он не рассматривает идеализм в качестве явления, отвечающего внутренним потребностям философского познания. Именно этот последний аспект — понимание идеализма в качестве продукта развития отвлеченного мышления и средства выхода теории из глубокого кризиса — станет основным объектом изучения в данной работе.

Несколько замечаний следует сделать относительно терминологии. Вполне понятно, что использование термина «идеализм» с необходимостью пробуждает в памяти знаменитую некогда оппозицию материализма и идеализма как непримиримых идеологических врагов, противоположным образом решающих вопрос о первичности материи или сознания. В данной работе слова «идеализм» и «материализм» свободны от какого-либо идеологического содержания, им присваивается исключительно гносеологическое и методологическое значение.

Представляется вполне оправданным обращаться при обозначении какой-либо школы или направления к самоназванию, если таковое имело место. Это весьма разумно, потому что мыслители, как правило, хорошо понимали содержание своих доктрин и были в состоянии называть их со знанием дела. Но чаще в границах рассматриваемого периода самоназвания не давали. И если перед исследователем стоит задача рассмотреть какой-то отдаленный во времени период, в котором имелось множество школ без самоназваний (или даже с таковыми), то без использования обобщающего названия, о котором, вероятно, тогда никто не задумывался, можно оказаться в безвыходном положении. Сюда следует добавить еще и то обстоятельство, что значение того или иного учения не всегда может быть выяснено полностью в тот момент времени, когда это учение создавалось и получало свое самоназвание. Поэтому нельзя исключать, что наиболее точные обозначения того или иного направления могут появиться тогда, когда никто из зачинателей данного направления уже не мог сформулировать его «самоназвания».

Так случилось, что в античной философии от Фалеса Милетского до Аристотеля никто не называл себя материалистом и идеалистом. Эти термины — «материализм» и «идеализм» — появились достаточно поздно, и уж, конечно, не в ту эпоху, к которой мы обратились в данной работе. Не берусь утверждать категорически, но, по-видимому, Лейбниц одним из первых употребил указанные термины в своем ответе Бейлю¹. Уже в силу этого применять указанные термины к античности следует с осторожностью. Однако все-таки можно, в особенности термин «идеализм». Ни Платон, ни Аристотель самих слов «идеализм» и «идеалисты» не употребляли, но зато в их текстах можно найти словосочетания, весьма близкие указанным по своему значению. К примеру, Платон в «Софисте» упоминает о «друзьях идей», а Аристотель в «Метафизике» называет таковых «сторонниками идей»²; в XII книге «Метафизики» он говорит об учении об идеях³, а в I книге — о последователях учения об идеях⁴. Если есть учение об идеях, то как назвать его последователя? Как назвать человека, убежденного в существовании идей, который, возможно, сам себя называет последователем учения о них? Ведь не «другом» же идей следует его называть, ес-

¹ Лейбниц говорит буквально следующее: «... все, что есть хорошего в гипотезах Эпикура и Платона, в [доктринах] величайших материалистов и идеалистов...» (Лейбниц Г. В. Ответ на размышления, содержащиеся во втором издании «критического словаря» г-на Бейля (статья «Рорарий»), о системе предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 332).

² См.: Аристотель. Метафизика, 1073 а 18; 1078 б 31; 1086 б 6. — Здесь и далее Аристотель цитируется в основном по: Аристотель. Соч. В 4 т. М., 1976; В случаях отсылка к другим изданиям это оговаривается особо.

³ См.: Там же, 1073 а 17.

⁴ См.: Там же, 990 б 22.

ли к терминологии относиться сколько-нибудь серьезно. Само собой напрашивается слово «идеалист». При этом никакого другого смысла кроме признания существования идей вкладывать в данный термин не следует: не стоит вносить в его содержание то, что стало свойственно «друзьям идей» более поздних эпох. Лейбниц в конце концов назвал идеалистом именно Платона, а не какого-то позднейшего его последователя.

Термину «материализм» в античности повезло значительно меньше, потому что открыто никто себя (или кого-либо другого) не называл «другом материи». Однако там были мыслители, которые, не называя себя материалистами, полагали тем не менее, что всю полноту сущего можно объяснить исходя только из материала (из которого сущее состоит и на который оно разлагается). При этом такие мыслители, как правило, полагали, что материалом (или элементами) для сущего служит что-то непременно чувственно воспринимаемое (либо непосредственно чувственно воспринимаемое, либо являющееся таковым в принципе). Материя здесь оставалась чувственно воспринимаемой даже несмотря на то, что материалом считались настолько мелкие тела, что фактически их невозможно было воспринять и их существование лишь теоретически допускалось. Данное обстоятельство не имеет существенного значения, поскольку в этом случае материал «строится» по законам чувственного восприятия, хотя и за его фактическими пределами. Если давать обобщающие названия, то мыслителя, сводящего всю полноту существующего к некоему материалу, вовсе не противоречиво назвать материалистом. Если же в более поздние времена этот материал не всегда оказывается чувственно воспринимаемым, то никто и не говорит, что любой материализм тождествен античному. Возникший так называемый идеализм, введший понятие идеи как умозрительной сущности, изменил и понятие материала, приспособив его для своих нужд. В рамках идеализма и материя приобрела умозрительные свойства, в чем нельзя усматривать ничего удивительного — идеализм с необходимостью должен был ввести понятие умозрительной материи, а последнее могло возникнуть *только* в идеализме. Появление идеализма повлияло, в свою очередь, на материализм: со временем он усвоил отвлеченные формы мышления и, сохраняя верность допущению, что всю полноту реальности можно понять из материальной причины, превратил понятие материала в отвлеченно-мысленную абстракцию, по сути — в идею материи, что сблизило его с идеализмом и сделало не вполне последовательным.

Иногда приходится слышать, что в античности идеализма не было, что не было в ту эпоху противостоящих друг другу материализма и идеализма, что все тогда было перемешано друг с другом в такой степени, что невозможно отличить один от другого. Бывает, что от-

сутствие «чистого» материализма аргументируют тем, что уже у Демокрита встречается слово «идея», и даже раньше, чем у Платона. Поэтому-де и материалисты тех времен были не чужды умозрительности. Заметим на этот довод, что до Платона, который указанному слову обычной речи придал специальное терминологическое значение, слово «идея» означало просто внешний вид какой-то чувственно воспринимаемой вещи и ничего более. В силу этого его использовал не только Демокрит, но вполне могли использовать и другие философы и даже совсем не философы, если возникала надобность что-то сказать о внешнем виде чувственно воспринимаемой вещи. А крайне малые размеры атома тоже не должны вводить в заблуждение и подталкивать к выводу о том, что и они умозрительны в силу незначительности своей величины. Хотя они и малы настолько, что их невозможно воспринимать чувственно, тем не менее они *в принципе* чувственно воспринимаемы, обладают в принципе зримым внешним видом и в принципе осязаемой твердостью. И их, с позволения сказать, умозрительность (она больше похожа на воображение, чем на умозрение) иная, нежели у платоновских идей, *в принципе* невидимых и неосязаемых.

Бывает, что существование идеализма в античности ставится под сомнение, поскольку-де Платон и Аристотель не отрицали материи и активно данным понятием пользовались. Вывод как будто бы напрашивается сам собой: разве тот, кто вводит понятие материи (в том числе и умозрительной), может быть назван идеалистом? Следует на это заметить, что идеалистом является не тот, кто отрицает материю, а тот, кто признает идеи. Если он при этом отрицает существование материи, то пусть это будет его специфической особенностью. Сама мысль о том, что идеалист должен отрицать материю так же, как материалист отрицает идеи, не выглядит вполне правильной. По крайней мере, в таком случае не учитывается история и логика возникновения идеализма. История же эта показывает, что некоторые философы («младшие» физики) надеялись объяснить всю полноту сущего главным образом из материального начала, а «друзья идей» разных оттенков возражали им, настаивая на том, что одной материальной причины недостаточно, что не все вещи могут быть поняты из материального начала и что для понимания природы, по крайней мере некоторых вещей, следует допустить идеи. Если позицию «младших» физиков с большой осторожностью можно обозначить как материалистическую (поскольку они уповали на материальное начало как достаточное для понимания сущего), то для материализма ранних ступеней его развития характерно не столько отрицание идей, сколько их *неусмотрение*. Позиция же Платона и его последователей разных мастей состояла вовсе не в отрицании материи, а в том, что в противоположность физикам он считал материю началом, недостаточным для того, чтобы по-

нять все сущее, и полагал, что ряд вещей без допущения идей понять невозможно. Коротко говоря, Платон, которого следует подозревать в «дружбе» с идеями, и материю не отрицал, и усматривал наряду с ней в качестве начала также и умозрительные идеи. В этом состоит специфическая черта античного идеализма. Отношение между материализмом и идеализмом в античности не стоит считать таким, что они категорически отрицают друг друга: мол материализм отрицает идеи, а идеализм отрицает материю. Даже если материализм и рассматривать в качестве отрицающего идеи, то идеализм, напротив, включает в себя основное понятие материализма, преобразует его и подчиняет законам существования умозрительных сущностей.

То обстоятельство, что Аристотель говорил об умозрительной материи, не может быть использовано в качестве аргумента в пользу того, что материалистические и идеалистические тенденции в его философии были переплетены друг с другом настолько, что невозможно сказать однозначно, был он идеалистом или материалистом тоже. Как представляется, само указание на существование умозрительной материи свидетельствует в пользу того, что Аристотель даже понятие «материальная причина» приспособливает для нужд эйдетической реальности. Более того, аристотелевская позиция состояла в том, что он (в отличие даже от Платона) материю вообще лишил самостоятельности: он ее не отрицал, но понимал в качестве производного частного момента, подчиненного законам целого, в котором решающую роль играли эйдосы. Ну а если следующие за Аристотелем материалисты более поздних эпох стали понимать под материей не столько чувственно воспринимаемый материал, сколько некую умозрительно-логическую абстракцию, то это не повод для того, чтобы отказать Аристотелю в его идеалистической позиции только потому, что он использовал понятие материи. Это скорее повод для того, чтобы постаристотелевский материализм уличить в непоследовательности и перепутывании двух направлений, но не для того, чтобы упрекать в этом Платона и Аристотеля.

Об Аристотеле говорят также, что его материалистические тенденции очевидны, поскольку он сущностями считал единичные вещи; при этом, видимо, предполагают, что единичными могут быть только чувственно воспринимаемые вещи. Следует заметить в связи с этим, что такое допущение нельзя считать полностью верным. Действительно, сущностями Аристотель считал единичные вещи, но они могут быть не только чувственно воспринимаемыми, но и умозрительными. Если при этом единичная вещь состоит из материи и формы, то это вовсе не означает автоматически, что форма существует только благодаря материи и что именно материя в этом единстве есть носитель и вообще «главное действующее лицо». Возможно, что таковым является как

раз форма, и именно благодаря ей существует материя. Иначе говоря, принятие Аристотелем допущения того, что сущность — это единичная вещь, нисколько не указывает на материалистические тенденции в его учении.

Впрочем, я не собираюсь настаивать на терминологии в силу условности и абстрактности таких обобщающих названий, как «материализм» и «идеализм». Вместо термина «материализм» охотно использую более аутентичное название — «физика». В известных пределах (если иметь в виду начальные ступени развития философии) содержание этих названий совпадает, и физика по своему существу, по выбору начал, применение которых признается ею достаточным для объяснения сущего, приближается к строю мысли, могущему именоваться материализмом. Тогда идеалистические учения логичнее называть «метафизикой», поскольку они опираются на начала, которые не могут быть понятыми в рамках физики, т. е. которые находятся «за» физикой, лежат вне нее. Фактически я так и делаю, взаимозаменяя в *определенных пределах* термины «идеализм» и «метафизика»⁵, с одной стороны, материализм и физика — с другой.

В предложенном вниманию читателей исследовании анализу подвергается довольно небольшой по времени период древнегреческой философии — от ее возникновения до Аристотеля включительно, этот период охватывает меньше трех столетий. Но так получилось, что за столь короткий срок в указанных временных границах произошло много событий, крайне важных не только для последующей истории античной философии, но и для всей европейской культуры. Здесь сложились и теоретически оформились два важнейших типа мышления — материалистический и идеалистический, оказывающие влияние на различные области жизни и по сей день. Этот период примечателен тем, что он практически не знал повторов, каждое следующее учение несло в себе элемент новизны, тогда как следующая за Аристотелем философия (за редкими исключениями) лишь эксплуатировала то, что было добыто в рассматриваемый период, и комбинировала прежде сложившиеся модели. Доаристотелевская философия может быть понята как отдельный и самостоятельный период в развитии мировой философии из-за своей целостности и завершенности.

Этот период важен еще и тем, что логика развития мышления осуществлялась здесь впервые, направление и итоги ее движения не были известны заранее, поэтому философы руководствовались соображениями истины и правильности рассуждений, а мотивация их была

⁵ Правда, и в этом случае приходится оговориться, что термин «метафизика» следует понимать не в гегелевском смысле, а скорее в аристотелевском, т. е. в том смысле, который сложился после присвоения рукописи, принадлежащей, вероятно, Аристотелю, названия «Метафизика».

свободна от «партийных» симпатий или антипатий. Логика движения мысли здесь кристально чиста, ее достоинства и недостатки выражены с такой ясностью, с которой они едва ли когда-нибудь еще проявлялись. Для желающего понаблюдать за логикой развития отвлеченного мышления этот период наиболее предпочтителен, поскольку в чистом виде мышление демонстрирует свою логику именно здесь. Не даром Гегель для большей части своей логики брал материал главным образом из этого периода античной философии.

Идеализм, разумеется, нуждается в объективном исследовании как с гносеологической, так и с онтологической точек зрения. Но он также нуждается в изучении с исторической и логической точек зрения, которые показали бы его как продукт истории и логики развития мышления. Логика мышления раскрывается в истории мышления. У теоретического мышления свои законы, которые не вытекают из политических или экономических процессов, но подчиняются главным образом внутренним потребностям самой теории. Именно такой угол зрения является определяющим для данной книги.

Рассмотрение в одном исследовании истории и внутренней логики развития идеализма может быть очень полезным. История — это документальная составляющая процесса и документальная основа для построения тех или иных утверждений об этом процессе. В некотором смысле она есть критерий правильности предположений о содержании представлений, в этой истории разворачивающихся. Чем объективнее и полнее она изложена, тем надежнее основания для логических выводов. При этом важно отметить, что историческая сторона исследования должна быть непредвзятой. История становления идеализма не есть история становления именно идеализма, она есть прежде всего история философии и только потом — идеализма. К идеализму никто специально не стремился, его специально не придумывали. У идеализма нет своей особой истории, отличной от истории философии, история идеализма выкристаллизовывается из истории философии. Поэтому очень важно не подгонять историю философии под заданную цель, а следить за цепью историко-философских событий и считать за благо, если эта цепь действительно выведет к идеализму.

Важно рассматривать историю философии в ее эмпирической полноте и без какого-нибудь специального стремления к заранее намеченному результату. Это тем более справедливо по отношению к первым шагам развития философии, когда мыслители не решали логико-теоретических задач. В силу сказанного историческая сторона исследования должна строиться не путем выхватывания из реальной истории философии только тех положений, которые, как знает уже заранее исследователь, потребуются ему для моделирования конечного продукта, историю следует излагать так, как она строилась сама по се-

бе, не имея представлений о конечном результате. В учениях тех или иных мыслителей нужно освещать то, что они сами считали важным сказать, а не то, что кажется важным тому, кто рассматривает исторический процесс. Нужно стремиться понять, что для мыслителей было существенным именно в тот момент, даже если это не кажется нам находящимся в непосредственной связи с идеализмом. История понятий может быть «витиеватой», не «прямой», но, возможно, философия двигалась к идеализму именно «петляющей тропой», поэтому, только следя за этими «петлями», можно прийти к нему. Иначе говоря, история сама должна показывать свою логику. Только в этом случае можно избежать искажения одной и другой.

Вместе с тем именно в методологической зависимости воссоздания логики развития философии от ее истории кроются трудности для современного исследователя античной мысли. В самом деле, удобно выявлять логику развития мышления в тех случаях, когда объектом анализа становятся учения, дошедшие до нас в хорошей сохранности, когда исследователь имеет дело с текстами, достоверно принадлежащими совершенно определенному автору, когда эти тексты имеют достоверную хронологию. В этих случаях исследователю легко (если вообще уместно употреблять это слово по отношению к философским текстам) наблюдать за эволюцией представлений того или иного мыслителя либо же многих мыслителей. Здесь история по праву должна играть определяющую роль.

С некоторой досадой приходится констатировать, что изучение истории древней философии оказывается в этом смысле в крайне невыгодном положении. В большинстве случаев исследователь вынужден иметь дело не с целостными сочинениями, а всего лишь с фрагментами или даже спорадическими свидетельствами третьих лиц, которые, пересказывая мысли древних авторов, могли внести в них элементы собственных представлений. В таких условиях полностью восстановить философскую позицию изучаемого мыслителя и его логическую мотивацию, опираясь только на исторический материал (фрагменты и свидетельства), не представляется возможным. Даже тогда, когда до современного исследователя доходят сохранившиеся произведения какого-то древнего автора, когда можно надеяться на то, что имеешь дело с текстом именно того самого автора (а это не всегда так) и его сочинение свободно от искажений позднейших переписчиков или комментаторов (в чем тоже иногда не может быть полной уверенности) — даже и в этих случаях трудности не исчезают, если, к примеру, требуется восстановить логику философского развития автора. Ведь сочинения, как правило, не всегда содержат в себе ясные указания на время их написания, поэтому естественно затруднение современного исследователя определить местоположение текста в ряду других, и,

следовательно, окажется непросто понять логику развития представлений их автора. Определение же «возраста» того или иного трактата на основе косвенных признаков сильно зависит от умонастроений интерпретатора. А до тех пор, пока не знаешь с высокой степенью достоверности последовательность сочинений, трудно с такой же достоверностью уяснить логику развития представлений соответствующего мыслителя, что оставляет место для произвола комментатора.

Если бы речь шла о чисто историческом исследовании, то можно было бы ограничиться тем, что сохранилось из письменных материалов, констатировать недостаточность сведений и удовлетвориться фрагментарностью представлений об объекте изучения. Но как быть тому, кто ставит перед собой задачу понять не только учение того или иного отдельного автора, а уяснить его место в ряду других мыслителей, т. е. понять логику историко-философского процесса? Чем отрывочнее будут наши представления, отражающие фрагментарность сохранившихся текстов, тем «грубее» и прямолинейнее окажется и логика. Что в этой ситуации делать исследователю? Проще всего — не ставить перед собой таких задач. Если же задачи все же поставлены, то нужно направить свои усилия на восстановление «плавности» историко-философского процесса, на воссоздание полноты философской позиции того или иного автора, включая его логико-мотивационную часть. Для этого следует прибегнуть к помощи логической реконструкции, где это возможно. Ее суть состоит в том, чтобы найти центральную («сквозную») для философии того времени проблему, выявить ее логический смысл⁶; вслед за этим смоделировать возможные решения указанной проблемы и выделить в них наиболее оптимальный в логическом плане вариант (т. е. самому начать философствовать на заданную тему, причем делать это честно, как если бы нужно было для самого себя строить картину сущего из предложенного материала). После этого необходимо уяснить, почему тот или иной автор выбирает именно такой путь решения проблемы, который он фактически выбрал. Необходимо стремиться к тому, чтобы обнаружить теоретические потребности не только отдельного мыслителя (и даже не столько его), но всей современной ему философии и реконструировать позицию мыслителя (включая возможную эволюцию его индивидуальных взглядов), исходя не только из его сохранившихся представлений, но и из потребностей современной ему теории. Можно даже в известных пределах позволить себе не ограничиваться тем, что из написанного дошло до нас, но пытаться понять, что могло (или даже должно было) быть написано (либо устно высказано, или просто помыслено, словом,

⁶ Сама проблема может и не быть логической, тем не менее она по необходимости будет иметь некоторый логический смысл.

вообще должно было иметь место) наряду с сохранившимися фрагментами для разрешения указанных проблем, и какие вообще ходы движения мысли предполагала сама ситуация.

Такой подход хотя и содержит в себе определенный риск, получает оправдание еще и в том, что логика *обязана* подниматься над отдельными событиями истории мысли, усматривать тенденции, лежащие, возможно, за пределами понимания непосредственных участников историко-философского процесса. Она не вправе ограничиваться только тем, что фактически говорили указанные участники (или, точнее, что из написанного либо высказанного ими дошло до нас), но должна принимать во внимание также и то, что они «не договорили» и чего в их текстах непосредственно не обнаруживается, поскольку они не знали отдаленного результата своего философствования и часто не имели адекватной оценки даже своего собственного учения. В связи с этим следует иметь в виду, что позиция того или иного автора, может представлять интерес не только с точки зрения ее оригинальности, т. е. не только как факт истории представлений, но и как мысль, несущая в себе некоторый логический потенциал, без выявления которого настоящая работа приобрела бы чисто исторический характер в ущерб логическому. В каждом учении имеется некий логический потенциал, который должен или может развернуться в представлениях продолжателей. Этот потенциал может присутствовать в учении даже в том случае, если его автор не только сам не перевел его из потенциального состояния в актуальное, но и не догадывался о его существовании. В такой ситуации логическое исследование может позволить себе выйти в разумных пределах за границы текста, что, конечно же, связано с определенным риском⁷. Риск состоит в том, что исследователь мо-

⁷ Возможно, для уменьшения риска при реконструкции любого учения следует заботиться о том, чтобы попасть «внутрь» него, попытаться, насколько получится, вжиться в образ мысли изучаемого философа, заинтересоваться его интересами, начать самому решать те самые проблемы, которые стояли именно перед ним, продумывать то, что разрушено временем, но *должно было* бы находиться в границах учения. Философскую систему нельзя построить, полностью находясь вне нее, как бы наблюдая со стороны за тем, как ее строит кто-то другой; ее можно построить только самому внутри себя самого; лишь изнутри можно понять ее проблемы, достоинства и недостатки. Мы не можем попасть «внутрь» мировидения иного мыслителя, но мы можем попасть «внутрь» своего мировидения, и из него и из оставшихся фрагментов текстов и свидетельств попытаться воссоздать реконструируемое учение; следует честно, без всякой идеологии, без критики, имеющей корни в нынешнем времени, построить в себе самом из исторического материала учение, как если бы строил его для себя.

Разумеется, риск принять свое мышление, интересы и т. п. за мышление, интересы и т. п. изучаемого мыслителя велик. Но возможно ли при реконструкции плохо сохранившихся учений вообще обойтись без такого рода риска? Вряд ли, если, конечно, не иметь в виду возможность простого пересказа сохранившегося содержания древних текстов без комментариев или с незначительными историческими

жет «оторвать» логику от истории, придать первой самостоятельное по отношению к последней направление и тем самым исказить историю. И хотя при таком подходе риск наиболее высок, полностью его не может избежать даже тот, кто ограничивается лишь зачитыванием сохранившихся фрагментов и свидетельств.

Историко-логический характер исследования предполагает, что в нем содержатся и исторический, и логический аспекты. История же и логика не только совпадают друг с другом в важнейших пунктах, но и отличаются друг от друга. Логика «суха», бедна содержанием, история, напротив, изобилует подробностями. Совмещение указанных аспектов может представлять трудность для изложения. Исследование, имеющее своей целью изучение истории и логики историко-философского процесса, всегда находится перед сложной задачей — с одной стороны, ему следует избегать фрагментарности и схематичности, едва ли не неизбежных при наблюдении за тенденциями, выходящими за пределы одного учения, с другой же стороны, важно и не «утопить» изложение в частностях, чрезмерное разрастание которых способно затруднить восприятие универсальных проблем. Пренебрежение логикой развития мысли способно превратить работу в простое позитивное изложение эмпирического материала, пренебрежение историей грозит превращением в отвлеченную логику гегелевского типа. Поэтому я стремился уйти от крайностей — излишней подробности и чрезмерного схематизма — и расположил материал таким образом, чтобы историческая его составляющая была бы всего лишь достаточной для того, чтобы дать целостное изображение учения того или иного мыслителя,

комментариями. (Впрочем, и в этом случае можно допустить искажения: ведь если учение содержало больший смысл, чем тот, который передается простым пересказом, то такой пересказ будет искажением.) Надумай же исследователь выйти за пределы иногда весьма жалких «обрывков» того, что некогда было учением, и он тотчас начинает рисковать. Современные историки философии разные, с различным мышлением и подготовкой, мировоззрением и интересами. Они, читая тексты, разное усмотрят в качестве главного, о чем свидетельствует и история: дошедшие до настоящего времени тексты некогда разными мыслителями были усмотрены как важные и далеко не одинаковые «вещи» могли казаться им главными. В результате такой исторической трансляции информации неминуема ее трансформация. Серьезным подспорьем в стремлении к объективности является взаимная критика философов. Она важна даже независимо от того, что она могла быть и не вполне адекватной: она важна потому, что в ней обнаруживается мотивация, а она связана с логикой мышления. Движение самих этих мотивов складывается в некую последовательность, которая позволяет понять то, чем руководствуются в своих рассуждениях не один мыслитель, а уже многие. Вскрытие же некоторых тенденций позволяет предусматривать задачи, выдвигаемые в качестве таковых для более поздних учений. Конечно, и эта логика тоже может быть всего лишь конструированием нашего сознания. Но иного выхода у исследователей, пожалуй, нет. Важно позаботиться в этой ситуации кроме прочего о том, чтобы очередная модель получилась не менее правдоподобной, чем иные.

имеющего значение для конечной цели исследования; в свою очередь, и логическая сторона исследования должна быть всего лишь достаточной для «вписывания» того или иного философа в надындивидуальные тенденции развития мышления. Лишь иногда логический аспект исследования появляется в качестве самостоятельного, что оправдано только в особого рода состояниях мысли — в «поворотных» пунктах, при этом эффект от появления логического должен быть таким, чтобы одновременно и освещались прежние ступени развития мысли, и формулировались задачи для будущего направления ее движения.

Следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. Предлагаемая вниманию читателя работа имеет не только историко-логическую, но и гносеологическую направленность. Я ставил перед собой задачу проанализировать те факторы, которые имеют непосредственное отношение к процессу формирования идеализма. В связи с этим неизбежно инициируется гносеологический подход к проблеме. Он, в свою очередь, провоцирует использование гносеологических понятий, таких как «субъект познания», «объект познания» и им подобных. Важно специально подчеркнуть, что их применение в данной работе имеет исключительно методологическое значение и не имеет исторического. Употребление указанных понятий в исследовании ранних ступеней развития философии не следует понимать таким образом, что они будто бы именно на этих ступенях произведены и активно использовались. Очевидно, что указанные гносеологические понятия имеют статус инструментов исследования, и уж если историко-философский процесс стал предметом гносеологического изучения, то не представляется возможным избежать использования соответствующих средств. В силу этого внимательный читатель должен различать термины «исторические», т. е. те, которые произведены рассматриваемой эпохой, и термины логико-гносеологические, с помощью которых совершается исследование данной эпохи.

Как представляется, идеализм инициирован не только логикой развития теории и ее внутренними проблемами. Его появление связано с факторами гносеологического характера — с уровнем развития познавательных способностей субъекта познания, с соотношением сил между ними, с уровнем развития мышления и степени его отвлеченности. Однако дело не только в «устройстве» субъекта познания, но также и в том, что является для этого субъекта преимущественным объектом исследования. В структурах субъекта и объекта, в отношениях между их различными элементами кроются предпосылки идеалистического образа мышления.

Уровнем развития мышления и степенью раскрытости объекта определяется методологическая составляющая — так называемая гносеометодологическая, или исследовательская, программа, представля-

ющая собой систему установок, направление и логику анализа объекта, нацеленных на выявление его начал и причин. Исследовательская программа управляет процессом изучения объекта, создает соответствующую себе методологию и предопределяет логику развития теоретического мышления.

Несмотря на то что доаристотелевская философия крайне удалена от нас во времени, формы мышления, исследовательские установки и логика движения мысли, выработанные в ее границах, сохранили свое значение до сего дня и до сих пор не утратили своей методологической актуальности. Схемы движения мысли, сложившиеся в ту эпоху, до сих пор с нами, входят в структуры современных типов мышления, поэтому история прошлого нашей мысли в состоянии помочь нам понять ее настоящее.